

Евгений Лукин, Любовь Лукина

Каникулы и фотограф

*Часть сборника
Труженики зазеркалья (сборник)*

Евгений Юрьевич Лукин Любовь Александровна Лукина Каникулы и фотограф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156781

Аннотация

«За «Асахи пентакс» оставалось выплатить немногим больше сотни. Стоя над огромной кюветой, Мосин метал в проявитель листы фотобумаги. Руки его в рубиновом свете лабораторного фонаря казались окровавленными.

Тридцать копеек, шестьдесят копеек, девяносто, рубль двадцать...

На семи рублях пятидесяти копейках в дверь позвонили. Мосин не отреагировал. И только когда тяжелая деревянная крышка опустилась на кювету с фиксажем, скрыв от посторонних глаз левую продукцию, он распрямил натруженный позвоночник и пошел открывать...»

Содержание

1	4
2	11
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Любовь Лукина, Евгений Лукин Каникулы и фотограф

1

За «Асахи пентакс» оставалось выплатить немногим больше сотни. Стоя над огромной кюветой, Мосин метал в проявитель листы фотобумаги. Руки его в рубиновом свете лабораторного фонаря казались окровавленными.

Тридцать копеек, шестьдесят копеек, девяносто, рубль двадцать...

На семи рублях пятидесяти копеек в дверь позвонили. Мосин не отреагировал. И только когда тяжелая деревянная крышка опустилась на кювету с фиксажем, скрыв от посторонних глаз левую продукцию, он распрямил натруженный позвоночник и пошел открывать.

– Мосин, тебе не стыдно? – с порога спросил инженер-конструктор Лихошерст.

Мосин хлопнул себя по лбу, затем, спохватившись, переложил ладонь на сердце.

– Валера! – страстно сказал он. – Честное слово, фотографировал. Но, понимаешь, пленку перекосило.

– Голову оторву, – ласково пообещал Лихошерст. Мосин обиделся.

– Правда перекосило... – И, понизив голос, поинтересовался: – Тебе пеньюар нужен?

– Не ношу, – сухо ответил инженер. – И не заговаривай мне зубы. Завтра утром стенгазета должна висеть на стенде!

Мосин открыл «дипломат» и достал оттуда фирменный целлофановый пакет.

– Розовый. Английский, – сообщил он с надеждой. – У твоей жены какой размер?

Лихошерст насмешливо разглядывал неширокую мосинскую грудь, обтянутую бледно-голубой тенниской, на которой жуткая акула старательно разевала пасть, готовясь заглотить безмятежную красавицу в темных очках.

– Растрепанный ты тип, Мосин. Наживаться за счет редактора стенной газеты – все равно что грабить вдов и сирот. Если не секрет, откуда у тебя пеньюар?

Мосин смутился и пробормотал что-то о родственнике, приехавшем из Караганды.

– В общем, работай, – не дослушав, сказал Лихошерст. – И чтобы после обеда фотографии были. Не будут – утоплю в проявителе.

Мосин закрыл за ним дверь и с минуту неприязненно смотрел на фирменный пакет. В списке тех, кому он собирался сбыть пеньюар, Лихошерст стоял последним. Надо же – так промахнуться! Интуиция говорила, что с руками ото-

рвут, а вот поди ж ты...

Мосин меланхолично перебросал снимки в промывку и — делать нечего — пошел выполнять задание. Заперев лабораторию, он прошествовал мимо длинного стенда «Мы будем жить при коммунизме», и через заднюю дверь выбрался из вестибюля во двор НИИ, где, по словам Лихошерста, имел место бардак у дверей склада.

Верно, имел... Мосин отснял пару кадров с близкого расстояния, потом попробовал захватить широкоугольником весь двор. Для этого пришлось отступить к самой стене и даже влезть в заросли обломанной сирени.

Где-то неподалеку задорный молодой голос что-то лихо выкрикивал. Звук, казалось, шел прямо из середины куста.

Мосин раздвинул ветви и обнаружил в стене дыру. Кричали на той стороне. Он заглянул в пролом и увидел там босого юношу в розовой кружевной рубашонке до пупа и защитного цвета шортах, который, ахая и взвизгивая, рубил кривой старинной саблей головы репейникам. Делал он это самозабвенно, но неуклюже. Метрах в сорока высилась рощица серебристых шестов разной высоты и торчали какие-то многоногие штативы.

Мосин ахнул.

Невероятно, но за стеной, по соседству с НИИ, работала киногруппа! И, судя по оборудованию, иностранная.

Парень с саблей явно не репетировал, а развлекался. Предположение оказалось верным: на рубяку раздраженно

заорали. Тот обернулся на крик и с индейским воплем принял оборонительную позицию. Тогда к нему подбежал технический работник в серебристой куртке и саблю отобрал.

Мосин рассмеялся. Легкомысленный статист ему понравился.

К сожалению, досмотреть, чем кончится конфликт, было некогда. Мосин вернулся в лабораторию, проявил пленку и решил, что пока она сушится, стоит побывать за стеной. Поправил перед зеркалом волосы и, зачем-то прихватив «дипломат», вышел.

Вынув несколько расшатанных кирпичей, он довел пролом до нужных размеров и пролез на ту сторону.

Киношники работали на обширном пустыре, зеленом и ухоженном, как футбольное поле. Везде было понатыкано разной зарубежной техники, а в центре, как бы для контраста, громоздилась мрачная замшелая изба, возле которой отсвечивала медью огромная старинная пушка художественного литья. Видимо, снимали что-то историческое. Между двумя арбузными горами ядер, нервно оглаживая раскидистые усы, вышагивал длинный иностранный киноактер.

Мосин не интересовался историей. Но даже ему стало ясно: что-то они здесь напутали.

Во-первых, на иностранце был фрак, на антрацитовых плечах которого горели алые эполеты с золотой бахромой. Под правый эполет был пропущен ремень вполне современной офицерской портупей, на которой непринужденно бол-

тался обыкновенный плотницкий топор. Черные облегающие брюки были вправлены в яловые сапоги гармошкой. Когда же киноактер снял кивер и солнце приветливо заиграло на его смуглом бритом черепе, Мосин окончательно разинул рот и начал подбираться поближе. «Комедию снимают», – догадался он.

Его хлопнули по плечу. Мосин вздрогнул и обнаружил, что стоит рядом с давешним статистом в розовой кружевной рубашонке.

– Денис Давыдов? – восхищенно поделился парень, кивнув в сторону актера. – А?!

Сказано это было без акцента, и Мосин заморгал. Неужели переводчик? Он в смятении покосился на рубашонку и заметил в пальцах у собеседника тонкую длинную сигарету с черным фильтром. Это уже был повод для знакомства, и Мосин выхватил зажигалку. Со второго щелчка она высунула неопрятный коптящий язычок. Парень вытаращил глаза.

– О-о, – потрясенно сказал он и робко потянулся к зажигалке, но тут же, отдернув руку, по-детски трогательно прикусил кончики пальцев.

Мосин смутился и погасил огонек. Киношник вел себя несолидно. Ему, видно, очень хотелось потрогать зажигалку. Может, издевается?

– На, посмотри, – неуверенно предложил Мосин.

Киношник бережно принял вещь, положил большой палец на никелированную педальку и умоляюще взглянул на

владельца.

– Йес... то есть си, – великодушно разрешил тот.

Иностранец нажал и радостно засмеялся.

«Пора знакомиться», – решил Мосин.

– Сергей, – представился он, протягивая руку.

Иностранец расстроился и, чуть не плача, отдал зажигалку.

– Ноу! Ноу!.. – испугался Мосин. – Это я Сергей. – Он стукнул себя в грудь костяшками пальцев. – Сергей.

До иностранца наконец дошло.

– Тоха, – печально назвался он, глядя на зажигалку.

Что он в ней нашел? Дешевая, даже не газовая, в магазине таких полно.

– Итыз прэзэнт, – отчаянно скребя в затылке, сказал Мосин. – Ну не фо сэйл, а так...

Когда ему удалось втолковать, что зажигалку он дарит, киношник остолбенел. Потом начал хлопать себя по груди, где у него располагались карманы. Отдаться было нечем, и лицо его выразило отчаяние.

– Да брось, – неискренне сказал Мосин. – Не надо... Давай лучше закурим.

Иностранец не понял. Сергей повторил предложение на международном языке жестов. Иностранец опять не понял. Тогда Сергей просто ткнул пальцем в сигарету. Парень очень удивился и отдал ее Мосину.

Тот сразу же уяснил ошибку: это была не сигарета. Цилин-

дрическая палочка, на две трети – белая, на треть – черная. На ощупь вроде бы пластмассовая, а на вес вроде бы металл. Но возвращать ее уже было поздно.

– Сэнькью, – поблагодарил Мосин. – Грацио.

Иностранец в восторге пощелкал зажигалкой и куда-то вприпрыжку побежал. Потом вспомнил про Сергея и приглашающе махнул ему рукой. Несерьезный какой-то иностранец. Тоха... Видимо, Антонио.

И Мосин последовал за ним, вполне довольный ходом событий. С сигаретообразной палочкой, конечно, вышла накладка, зато удалось завязать знакомство.

В коммерческие контакты с иностранцами Мосину вступать еще не приходилось. Его сфера – знакомые и знакомые знакомых. Есть бедра, и есть фирменные джинсы, которые на эти бедра не лезут. «Хорошо, – соглашается Мосин, – я знаю такие бедра. Сколько просить?» К примеру, столько-то. «Хорошо», – говорит Мосин и просит на червонец дороже. И все довольны. А вот иностранцы...

Тоха привел его к туго натянутому тенту, под которым расположились два парня и молодая... актриса, наверное. Для технического работника девушка выглядела слишком эффектно.

– Сергей, – представил его Тоха.

Девушка и один из парней с интересом посмотрели на гостя. Третий из их компании лежал на спине и даже не пошевелился, только приоткрыл один глаз.

– Реликт, – мрачно бросил он и снова зажмурился.

– Сам ты реликт, – ответил ему Тоха на чистейшем русском языке.

Девушка рассмеялась, а Мосин оторопело раскланялся и тоже присел на травку, положив «дипломат» рядом. Какого же тогда черта он изъяснялся одними жестами и восклицаниями! Неужели наши? Откуда они такие? И что на них? Парни были одеты почти одинаково: тонкие серебристые куртки

и легкомысленно-радужные шорты. На девушке было что-то отдаленно похожее на платье, клубящееся у плеч и струящееся у бедер.

Между тем они так бесцеремонно рассматривали Мосина, что можно было подумать, будто именно он вырядился боги знает как. Вообще-то, конечно, майку с акулой встретишь не на каждом – в городе их всего четыре: одна у Мосина, одна у Алика и две у Зиновьева из филармонии, но он их, наверное, уже кому-нибудь толкнул...

– Визуешься? – на каком-то невообразимом жаргоне любопытствовала девушка.

Кажется, спрашивали о роде занятий.

– Н-нет, – отозвался он неуверенно. – Я – фотограф.

Все так и покатались от хохота, как будто Мосин выдал первоклассную остроту.

– А! Знаю, – сказала девушка. – Он из института.

И кивнула в сторону не видимой из-за тента стены. Это предположение вызвало новый взрыв веселья, хотя Мосин, например, юмора не понял: ну, работает человек в институте, и что тут смешного?

– А вы откуда?

– С Большой.

– И... как там? – растерявшись, спросил он.

– Много.

Похоже, над Мосиным все-таки издевались.

– Это не репродуктор! – внезапно удивилась девушка.

Все повернулись к ней.

– Это... чемодан, – выговорила она, заворуженно глядя на мосинский «дипломат».

В ту же минуту молодые люди оказались стоящими на коленях вокруг «дипломата». Потом разом уставились на Мосина.

– Музейный похититель, – с уважением предположил один из парней.

– Что ты им делаешь? – Кажется, этот вопрос волновал всех.

– Ношу, – буркнул Мосин, начиная злиться.

– Архачит, – пояснил Тоха.

Рука девушки неуверенно потянулась к замку. Красивая рука. Тонкая. Смуглая.

– Эврика, – укоризненно одернул мрачный малый, которому Мосин, кажется, не понравился с первого взгляда.

«Эврика! Ну и имечко! – подумал Сергей. – Из мультика, что ли?»

Но тут девушка испуганно взглянула на него, и делец в Мосине скоропостижно скончался. Она была совершенно не в его вкусе: узкие бедра, едва намеченная грудь – фигура подростка. Но это сочетание светлых пепельных волос, загорелого лица и огромных серых глаз уложило его наповал.

«Можно?» – спросили ее глаза.

«Да! – ответили им мосинские. – Да! Конечно!»

Эврика откинула оба замка и осторожно подняла крышку,

явив взглядам присутствующих фирменный пакет.

Никто сначала не понял, что перед ними. И только когда пеньюар, шурша кружевами, выскользнул из пальцев растерявшейся Эврики, когда, расправив и разложив его за зеленой траве, все отступили на шаг, возникла такая пауза, что Мосину стало не по себе.

– Денису показывал?

– Это... Давыдову? – удивился Мосин. – Зачем?

– И правильно, – поддержала Эврика. – Я приложу?

– Да, – сказал Мосин. – Да. Конечно.

– Равнение на институт! – радостно скомандовала Эврика.

Парни с ухмылками отвернулись к полотну тента, и Мосин почувствовал обиду за свое учреждение, хотя сам о нем обычно отзывался крайне нелестно.

Наконец Эврика разрешила обернуться.

– У-у-у!... – восхищенно протянул Тоха.

Эврика была в пеньюаре. Но Мосин смотрел не на нее – он смотрел на брошенное в траву голубое платье! Девушка не растегнула, она попросту разорвала его сверху донизу и отшвырнула, как тряпку.

Такую вещь!...

Он перевел глаза на Эврику. А та, чем-то недовольная, сосредоточенно смотрела на свои сандалии. Потом решительно скинула их и, собрав вместе с платьем в одну охапку, подбежала к приземистому синему автомату с множеством кнопок и вместительной нишей. Запихнув все в боковое отвер-

стие, девушка на секунду задумалась, затем начала нажимать кнопки. Выхватила из ниши пару ажурных розовых туфелек, обулась и с торжествующей улыбкой пошла прямо на Мосина – так, во всяком случае, ему показалось.

– Сто рублей, – с трудом выговорил он, презирая сам себя.

Ответом на его слова был очередной взрыв хохота. Все были просто потрясены мосинским остроумием.

– Можно мануфактурой, – уже умышленно сострил он, но с меньшим успехом.

– Пойди... и нащелкай, – обессиленно простонал Тоха.

Спустя секунду до Мосина дошел смысл предложения: ему разрешали воспользоваться автоматом, из которого только что на него глазах вынули розовые ажурные туфельки – вещь явно импортную и недешевую.

– А можно? – искренне спросил он.

– Два дня как с Сириуса-Б, – обратился мрачный к Эврике, как бы рекомендуя ей Мосина. Причем сказал он это вполне добродушно. Значит, Сергей ему в конце концов все-таки понравился. Да и как может не понравиться человек с таким сокрушительным чувством юмора!

– Ладно, нащелкаю! – поспешно сказал Мосин, и тут у него сильно зазвенело в ушах.

«Теряю сознание?» – испуганно подумал он, но быстро сообразил, что источник звона вовсе не в его голове, а где-то на съемочной площадке. Ультразвук какой-нибудь. Оказалось – всего-навсего – сигнал об окончании перерыва.

Ликующая Эврика расцеловала Мосина в обе щеки, и вся эта жизнерадостная стайка взрослых ребятешек куда-то унеслась. Тоха задержался.

– А ты?

– Да я... не отсюда, – замялся Мосин.

– Как же ты сюда попал без допуска? – встревожился Тоха.

Он порывлся в нагрудных карманах и высыпал на ладонь какие-то болтики, проводки, стеклянные брусочки. Поколебавшись, выбрал неказистый шарик размером с черешню.

– Вот возьми. Если Денис прицепится, предъявишь ему и скажешь, что это условный допуск.

Тоха убежал вслед за остальными. И, только оставшись один, Мосин понял, что пеньюар он подарил, увеличив свой долг за «Асахи» на добрую сотню. Потому что не бывает автоматов, выдающих бесплатно и кому угодно импортные вещи. Мосин был готов бить себя по голове. Как он мог поверить?! Правда, Эврика вынула из автомата туфли...

Он стоял перед этим синим, с разинутой пастью, кубом и злобно смотрел на блестящие прямоугольные кнопки, числом не меньше пятидесяти. Сломаешь что-нибудь, а потом отвечай... Обуреваемый сомнениями, он наугад нажимал и нажимал кнопки, пока в автомате что-то не хрустнуло. Заглянул в нишу. Там лежали стопкой четыре плоских фирменных пакета.

Следует сказать, что вещь в пакете сбыть гораздо легче, чем саму по себе. Фирменная упаковка притупляет бдитель-

ность покупателя и подчас очаровывает его больше, чем сама вещь.

Поэтому сердце Мосина радостно дрогнуло. На жемчужном квадрате пакета сияли загаром изумительно красивые женские ноги, внутри которых почему-то видны были контуры костей и суставов. Более оригинальной рекламы Мосин еще не встречал. Он взялся за ниточку и осторожно вспорол пакет. Внутри, как он и думал, оказались колготки, и какие! Ажур был настолько тонок, что напоминал дымку на раскрытой ладони Мосина и, самое удивительное, менял рисунок, стоило лишь шевельнуть пальцами. В упаковке ли, без упаковки, но компенсацию за пеньюар Сергей получил.

А что если еще раз попытать счастья? На этот счет ведь никакого уговора не было! Мосин сложил пакеты в «дипломат» и приступил.

Теперь он вынул из ниши полированную рукоятку. В недоумении осмотрел, ощупал. Внезапно из рукоятки выплеснулось изящное длинное лезвие опасных очертаний. «Ну так это совсем другое дело! – обрадовался Мосин. – Это мы берем...»

Третья попытка оказалась менее удачной: автомат одарил Мосина сиреневым стеклянным кружляшком неизвестного назначения. Сергей хотел засунуть его обратно, как это сделала Эврика со своим платьем, но, обойдя аппарат, не нашел даже признаков отверстия или дверцы.

Пора было остановиться, но Мосин опять не удержался.

«В последний раз», – предупредил он себя, утапливая кнопки одну за другой. Хотелось что-нибудь из обуви, но в нишу вылетел маленький темно-фиолетовый пакет, на одной стороне которого было изображено красное кольцо с примыкающей к нему стрелкой, а на другой – такое же кольцо, но с крестиком.

Разочаровавшись, он даже не стал его вскрывать, засунул в карман джинсов и пошел через пустырь к сирени, росшей и по эту сторону стены.

Возле одного из механизмов Мосин увидел мрачного друга Тохи. Лицо парня выражало крайнее недоумение, и был он чем-то подавлен.

– Знаешь, какая утечка? – пожаловался он, заметив Мосина.

– Нет.

– Пятьсот! – Парень потряс растопыренной пятерней.

– Пятьсот чего?

– Мега.

– Ого! – на всякий случай сказал Мосин и отошел. Тронутые они все, что ли?

Однако надо было поторапливаться. Не далее как вчера начальник вызывал его «на ковер» за постоянные отлучки. Что за народ! Из-за любой ерунды бегут жаловаться! Не дай бог, еще кто-нибудь из верхних окон заметит его на территории киноплощадки.

Мосин поднял глаза на учреждение и похолодел.

Учреждения над стеной не было! Не было и соседних зданий. Не было вообще ничего, кроме синего майского неба.

Истерически всхлипнув, Сергей бросился к дыре, как будто та могла спасти его от наваждения. Вепрем проломив сирень, он упал на четвереньки по ту сторону, угодив коленом по кирпичу.

...Здание было на месте. По двору разворачивался вымытый до глянца институтский «жук».

Ослабевший от пережитого Мосин вылез из кустов и, прихрамывая, затрусил в сторону гаража, к людям. Но тут его так затрясло, что он вынужден был остановиться. Необходимо было присесть. Запинающимся шагом он пересек двор и опустился на один из ящиков у дверей склада.

Плохо дело: дома исчезать начали. Может быть, перегрелся? В мае? Скорее уж переутомился. Меньше надо по халтурам бегать.

«Да перестань ты трястись! – мысленно заорал на себя Мосин. – Вылези вон в дыру, разуй глаза и успокойся: на месте твой институт!»

Он взглянул на заросли сирени и почувствовал, что в дыру его как-то не тянет. Неужели что-то со зрением? Сидишь целый день при красном свете...

Мосин поднялся и, сокрушенно покачивая головой, пошел к себе.

Возле дверей лаборатории его поджидали.

– Вот он, красавчик, – сообщила вахтерша, с отвращением глядя на бледно-голубую мосинскую грудь с акулой и купальницей. Мосин терпеть не мог эту вахтершу. Она его – тоже.

– Что он мне, докладывается, что ли? Махнет штанами – и нет его.

– Бабуля, – с достоинством прервал ее Мосин, – вы сидите?

Та немного опешила.

– Сижу, а что же? Не то что некоторые!

– Ну и сидите!

И, повернувшись к ней спиной, украшенной тем же душе-раздирающим рисунком, Мосин отпер лабораторию и пропустил оробевшую заказчицу внутрь.

– Молод еще меня бабулей называть! – запоздало крикнула вахтерша, но Мосин уже закрыл дверь.

Заказчице было далеко за тридцать. Блузка-гольф, котонная юбка, замшевые туфли со сдвоенными тонкими ремешками вокруг щикотолок. «Вещь», – отметил про себя Мосин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.